

Виктор Бычков

Рваный камень

сборник рассказов

Виктор Бычков
Рванный камень

«Издательские решения»

Бычков В.

Рваный камень / В. Бычков — «Издательские решения»,

Рассказы о простых людях, их поведении и месте в обществе. Не всегда героические, но обязательно душевные, чистые, светлые образы героев рассказов Виктора Бычкова не оставят равнодушным читателей сборника.

© Бычков В.

© Издательские решения

Содержание

Выбор высоты	6
Дедушка Ю	10
«Добрый»	15
Комолая и Нежданка	19
Кудахтала курица, бранилась старуха	23
На колени, Иван, на колени!	29
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Рваный камень

Виктор Бычков

© Виктор Бычков, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Выбор высоты

Рассказ

Тамара Николаевна сидела на стульчике в углу комнаты, ещё и ещё раз бросала взгляд на небольшую кучу вещей. Неужели это всё, что она смогла скопить и собрать за всю жизнь? Неужели так мало? Впрочем, нет. Диван, шифоньер, стол, три стула и холодильник на кухне. Но они останутся здесь. Новым хозяевам останутся.

А что ей надо забрать с собой? Что? Смену исподнего белья, постельное, подушка, покрывало, три чашки, три ложки, одна чайная. Две глубокие тарелки, одна мелкая. Электрический чайник, две кастрюльки литровые. Три платья «на выход», одно осеннее и одно зимнее пальто. Туфли, в которых она ещё работала в школе. И зимние сапоги, подарок мужа к её сорокалетию.

Стульчик, на котором она сейчас сидит, тоже заберёт с собой. Как и телевизор. А ещё ноутбук. Он уже упакован.

Всё имущество уложено в коробки. Одежда сложена в покрывало, туго стянута узлом. Документы, маленькая семейная иконка в позолоченном окладе лежат в небольшой резной деревянной шкатулке – подарке учительского коллектива всё на то же её сорокалетье.

Вот и всё имущество. Будто она и не жила эти долгие шестьдесят лет.

С минуты на минуту должны приехать дети – дочь и зять на машине. Звонили, сказали, что уже выехали. Они помогут ей с переездом к новому месту жительства, в комнату-гостинку в бывшем заводском общежитии на краю города в промышленной зоне. Из однокомнатной квартиры в комнату-гостинку. Из большей жилплощади – в меньшую.

Который это по счёту её переезд?

Тамара Николаевна прислонилась к стенке.

– Родительский дом не считается, – расставив пятерню, смотрела на ладонь, готовилась загибать пальцы.

– Общежитие пединститута в Барнауле – раз, – загнула мизинец левой руки. – Что потом? Ах, да, потом комната в учительском домике в районном центре – это два. Дай Бог памяти... двухкомнатная квартира там же, в учительском домике при школе – это три. Ну, это уже когда мы поженились с Григорием Никифоровичем, учителем по труду, и родилась Ксюша.

Она загнула средний палец, подняла голову, устремив взгляд в угол комнаты. Слезинки одна за другой выкатились из глаз, побежали по щекам. Взяла лежащий на коленях семейный альбом, сделала попытку оторвать, но остановилась, не стала. Лишь принялась поглаживать ткань обложки.

Женщина заплакала, не отрывая взгляда от угла, только сильнее вжалась в холодную стенку. Плечи дёрнулись в такт всхлипам, и слёзы катились и катились по щекам.

– Гриша, родной мой, – шептала. – Если бы ты знал, как мне плохо без тебя, Гриша... Зазвонил телефон.

Тамара Николаевна судорожно вытерла лицо скомканным платочком, пока ещё дрожащими руками достала телефон, но ответила на звонок уже ровным и спокойным голосом.

Дочь предупредила, что чуть-чуть задержится.

– Вот и хорошо, – вроде и не расстроилась женщина. – Побуду ещё немного одна, разве плохо? – она окинула взглядом комнату, глубоко вздохнула. – Вот и хорошо, – повторила опять.

На этот раз лица коснулась мимолётная благодарная улыбка.

– Так на чём же я остановилась? Ах, да... двухкомнатная квартира в учительском домике при школе. В ней мы прожили до... до... – она мучительно пыталась вспомнить год.

Не вспомнила, махнула рукой.

– Ладно, в конце девяностых мы уже переехали в коттедж, – Тамара Николаевна загнула очередной палец. – Это когда Григорий Никифорович уволился из школы и занялся фермерством. Правильно. И я как раз тогда же ушла из школы, стала помогать ему.

Воспоминания пришлось прервать: почувствовала недомогание. Вдруг бросило в жар, выступила испарина на лбу, стало трудно дышать.

Она подошла к окну.

С высоты десятого этажа всё виделось меньших размеров: уменьшенные люди, уменьшенные машины.

– С годами так же, как и с высотой, – прошептала в пустоту оконного проёма. – Недаром есть выражение «с высоты прожитых лет».

Облокотившись на подоконник и прижавшись лбом к стеклу, она увидела себя у входа в новый дом. Их дом! Собственный! Тогда ещё не было моды называть дом коттеджем. Это слово придёт позже.

Большой, двухэтажный, с подвалом, облицованный красным кирпичом, покрытый небесной голубизны ондулином, тоже, кстати, новомодным по тем временам материалом. Дом издали выглядел как яркая огромная игрушка, кем-то гигантским случайно оброненная на высоком берегу Оби. Постепенно вокруг него выстроились ему подобные сооружения, образовав красивый коттеджный посёлок. И дом потерялся, растворился среди равных себе, органично вписавшись в новый облик современных российских поселений.

– Это – четвёртое место жительства, – она загнула указательный палец левой руки и снова прижала разгорячённую голову к холодному оконному стеклу.

Видения менялись быстро, стремительно воскрешая в памяти ту или иную картину...

Две с половиной тысячи гектар пахотной земли. Луга, сенокосы, выпаса, стада коров, ферма. Машины, трактора, комбайны, сеялки, амбары, склады... Пилорама, мастерские...

Даже не верится, что всё это было, принадлежало главе крестьянского хозяйства Григорию Никифоровичу Кожевникову – её мужу, а значит и ей – Тамаре Николаевне Кожевниковой.

Но это было! Да-да! Было!

Ни она, ни муж не знали выходных, праздников. Всё поглощала работа.

Дочь Ксения к тому времени уже училась в сельскохозяйственном институте в Барнауле. Родители постарались купить двухкомнатную квартиру в краевом центре для любимой и единственной дочурки.

– Если есть такая возможность, почему бы ей не воспользоваться? – приводил убедительные аргументы Григорий Никифорович. – Достаточно того, что мы с тобой, мать, жили в своё время в общежитиях. Пусть уж дочь поживёт по-человечески.

Жалел и любил отец дочь. Очень жалел и очень сильно любил. Те отцовские жалость и любовь сыграли злую шутку с Ксенией, считает Тамара Николаевна.

– Пусть дочь приобщается к работе, – не раз и не два убеждала она мужа. – Ей жить после нас, неужели ты не понимаешь? Как сможет Ксюша руководить таким огромным хозяйством, если ты не заставляешь её вот сейчас принимать участие, не вовлекаешь в собственные дела?

– Мы с тобой, мать, находимся в том состоянии, когда можем позволить единственной дочери не работать. Ради чего всё это? – муж разводил руки, словно готовился охватить всё хозяйство. – Ради дочери! Ради будущих внуков! Пусть они скажут: предки оставили богатое наследство. Только управляй, и живи – не тужи. Каково?! – и самодовольно улыбался. – Наймёт управляющего, будет контролировать только его работу, вот и всё. Для этого она и учится в институте. Какие проблемы? Доить коров – не высота моей дочери. Она рождена для большего.

– То ли тебе родительская любовь глаза и разум затуманила, то ли ты на самом деле не понимаешь? – злилась в таких случаях мать.

А сама тихонько пыталась вовлечь дочь, заставить её окунуться в их дела, в их проблемы.

Но не тут-то было! Дочь словно копировала отца:

– Не моя высота! У вас есть трактористы и животноводы. Ты хочешь, чтобы я села на трактор или начала доить коров?

– А что тут такого? Корона не свалится. Зато ты приобретешь опыт. А он не бывает лишним. Чтобы руководить механизаторами и животноводами, надо досконально знать эту работу. Может быть, даже лучше самих трактористов и доярок.

– Фи-и-и! – пренебрежительно морщила красивое личико Ксения. – Ещё чего не хватала? Каждый должен заниматься своим делом: пироги должен этот... ну, ты поняла, мама. Сельское хозяйство – это не моё.

– Но я-то, я умею! Научилась управлять трактором, доить коров умею с детства, – Тамара Николаевна пробовала ставить себя в пример дочери. – И с бухгалтерией...

– Ну и что оно тебе дало? Всё равно руководит папа, – заявляла Ксения, и уходила от дальнейшего разговора на щекотливую тему.

Таиланд, Кипр, Боа – в каких только экзотических странах и курортах не побывала дочь. А когда вышла замуж, то молодая чета практически не появлялась на родине: всё в разъездах, всё в путешествии. Отец только успевал переводить им деньги.

А вот она с мужем съездить дальше Горного Алтая не могли себе позволить. И то урывками, на несколько дней.

– Да-а, муж, – женщина снова погладила шершавую обложку семейного альбома, тяжело вздохнула. – Сгорел на работе Григорий Никифорович. Сгорел. Сердце не выдержало. А ведь сколько раз я просила его съездить в санаторий, лечь в больницу, наконец. Так нет: не мог оставить производство, работу не на кого было оставить. Я хоть и помогала, однако всё замыкалось на Гришу. Дочь – не помощница. Да-а-а-а, вот такие дела.

Тамара Николаевна опять посмотрела на ладонь, соображала, о чём она думала только что, почему погибала пальцы.

– Ага, вспомнила.

Снова видения наслаивались одно на другое...

После смерти мужа весь бизнес рассыпался, пришёл в упадок. Она не смогла продолжить дело мужа. Почему? Сама не знает. Не смогла и всё. Привыкла всегда быть за спиной Григория Никифоровича, надеялась на него. А вот сама не смогла. И Ксения не стала заниматься сельским хозяйством. Единственно, дочь с зятем со страстным рвением и усердием принялись продавать имущество, технику. Благо, Григорий Никифорович смог оставить большое и богатое наследство.

Распродавая имущество, закрыли все кредиты перед банком. Остальные деньги молодые попросту бездумно растратили.

Правда, Тамара Николаевна пыталась достучаться до дочери, что, мол, деньги имеют свойство заканчиваться. Надо бы вложить в прибыльное дело. Однако Ксения снова и снова твердила, как заклинание:

– Не моя высота. Надо успеть пожить для себя. А когда деньги закончатся, тогда и думать буду. Не пропадём, мама! – успокаивала она мать. – Не переживай, береги здоровье.

И опять уезжала с мужем в экзотические страны «делать селфи». Это слова только-только входило в моду. Потом присылала фотографии по электронной почте то на фоне крутых волн где-то на каких-то диковинных островах, то на фоне пингвинов, то из районов крайнего Севера.

И однажды дочь предложила матери выставить на продажу родительский коттедж.

– Такой огромный. Зачем он тебе? А мы продадим и откроем собственный бизнес.

– А меня куда, доченька? – всплеснула руками мать.

– Купим тебе квартиру однокомнатную в городе со всеми удобствами. Денег хватит и на бизнес нам, и тебе на «однушку». Мы с мужем посчитали, всё сходиться. Сами будем

продолжать жить в моей квартире. Нас вполне устраивает. А тебе что надо для одной? Вполне хватит «однушки».

Подчинилась Тамара Николаевна дочери, продали коттедж, всю мебель тоже, оставили самое необходимое.

– Значит, это будет моё пятое по счёту жильё, – она загнула большой палец левой руки, сжала её в кулак, обвела взглядом квартиру. – А сейчас переезжаю в шестое.

Всплыл в памяти недавний разговор матери с дочерью...

– Мы выставили на продажу мою двухкомнатную квартиру, – заявила Ксения ещё с порога в тот день.

– Зачем? А сами куда? – ещё успела спросить, но уже понимала, куда клонит дочь. – А я куда? Меня куда? В дом престарелых? В приют?

– Ну, зачем же ты так, мама, – снисходительно заметила Ксюша. – Неужели у нас нет ничего святого? Обижаешь. Мы нашли тебе комнату-гостинку. Вполне приличные условия. Зря ты так о нас.

– А как же бизнес? Ведь вы обещали открыть своё дело? Где деньги от проданного коттеджа?

– Какая же ты странная, мама. Бизнес – это риск в первую очередь. Неужели ты не понимаешь? – зло сверкнула глазами дочь. – У тебя после папы тоже не пошёл бизнес. И ничего, конца света не произошло. Чего зря трагедию разыгрывать?!

– Ты же... ты же... косметический салон. И что? Где деньги?

– Тебе какое дело? Мои деньги, как хочу, так и трачу. У тебя ещё не спросила, – дочь повысила голос. – Мало тех, мало! Вот сейчас продадим «двушку», доложим, и будет тебе косметический салон. Ты – в комнату-гостинку, а мы будем жить в твоей квартире.

И снова мать не смогла противостоять дочери, согласилась. Хотя потом проплакала не одну ночь, изводя себя.

А сегодня – переезд.

Она очень ярко представила своё будущее: судя по всему, комната-гостинка – это не последнее жильё в её жизни.

Тамара Николаевна прижалась разгорячённым лбом к оконному стеклу, смотрела на снующих внизу людей, машины.

– Моя высота, моя, – обречённо произнесла женщина, подвинула ближе стульчик, встала на него, открыла большую створку окна, взобралась на подоконник...

Дедушка Ю

Рассказ

Федеральная трасса огибает сопку, образуя длинный затяжной подъём. Нанесённые разделительные линии широкой современной четырёх полосой дороги ярко и контрастно выделяют асфальтированное полотно от выгоревшей на солнце придорожной травы.

Чуть в стороне от трассы в начале подъёма на небольшом камне сидит старик. Выцветшая тюбетейка покоится на колене, лёгкий летний ветерок еле колышет остатки седых волос. На высохшем скуластом лице совершенно не видно поблёкших глаз: они теряются на фоне серой, морщинистой кожи, растворяются в ней. Редкие, жидкие волосы под приплюснутым носом и на бороде не столько придают мужественности и мудрости старику, сколько говорят о его пренебрежительном отношении к себе.

Скучно дома, поговорить нет с кем. А хочется. Вот и приходит сюда, к дороге.

Он любит разговаривать с ней как с живым организмом, гудящим и чадящим, но совершенно не перечасим ему слушателем.

Вот и сегодня дедушка не изменил себе.

– Ну, здравствуй, дорога, – слегка наклонив голову, прислушивается, словно ожидая ответного приветствия.

Но собеседница молчит. Нет, она не молчит, а обдаёт пожилого человека грохотом машин, свистящим шелестом автомобильных протекторов, гарью выхлопных газов. Однако ему привычны, милы эти звуки и запахи, и служат подтверждением того, что дорога рада общению со стариком, приветствует его искренне и радостно.

– Во-о-от, так оно, так. Рад тебя видеть, дорога, – довольно произносит дедушка, лицо морщится, изображая улыбку. – Сегодня сильно болела спина. С чего это, не знаешь? – подался чуть-чуть вперёд, наклонив голову, то ли ожидая ответа, то ли прислушиваясь к состоянию спины.

Ничего не услышал, кроме гула дороги, зато боль в спине дала о себе знать очередным приступом. Он даже вскрикнул, настолько неожиданно резко и больно отозвалась спина на его движение. Благодушие исчезло с лица, и тон в его разговоре меняется тоже.

– Да откуда тебе знать? – снисходительно замечает старик, потирая тыльной стороной ладони спину. – Ты никогда не понимала меня, хотя и пыталась. Не спорю. Я, может, готов был ладить с тобой ещё ого-го сколько лет, а ты... Зачем так со мной? Чем не угодил тебе, скажи? Ведь без молитвы я никогда не садился за руль. Просил Всевышнего быть милостивым ко мне, к машине, и к тебе, дорога. А как же. Мы же вместе работали, втроём. А ты что? Как ты повела себя? И это в ответ на моё хорошее отношение к тебе?! Неблагодарная.

На этот раз сморщенная высохшая кожа на лице ещё больше сморщилась, обидевшись.

– А я вот помню тебя совершенно другой, – на этот раз глаза повеселели, кожа разгладилась. Даже редкие волосы на бороде словно взбодрились, стали торчком.

Заученно провёл руками по лицу, совершая омовение, старик снова замер, уставившись обесцвеченным взглядом на дорогу.

Мимо проносились машины, светило солнце, дул лёгкий летний ветерок.

Когда он впервые выехал на эту дорогу, была она узкой, со многими выбоинами, а в некоторых местах отсутствовал и асфальт. Вместо него лежала щебёнка – пыльная, тряская, выматывающая душу шофёра и вытряхивающая из машины последние «лошадиные силы».

Когда ж это было? Ой, давно, так давно, что скажи кому – не поверит. Скажет, заболел дедушка Ю, головой слабый стал. Однако в памяти сохранилось очень явственно, отчётливо,

настолько зримо, что старик воочию ощутил запах той пыли, и внутри затрясло вдруг, как когда-то при первом знакомстве.

Полуторка... Фанерная кабина скрипит, не переставая. Машину бросает на ямках и выбоинах, испытывая на прочность не только сам автомобиль, но и водителя с пассажиром.

Он, маленький Юлдаш, на коленях отца уцепился детскими ручонками в баранку.

– Держи, сынок, крепко держи! – наставляет отец сына. – За руль, как и за жизнь, держаться крепко надо. Только тогда станешь большим человеком. Уважаемым.

Солдатская форма, широкое, скуластое лицо в пыли, и широкая улыбка папы... Только-только он вернулся с фронта. Живой! И сразу же ему дали машину. И вот он, его первенец, почти каждый день с родителем выезжал в рейс. То отвозили зерно от комбайна на колхозный ток, то это же зерно доставляли на районный элеватор. Да мало ли какой работы выпало на долю полуторки в послевоенной деревне? И разве можно было найти более счастливого человечка в округе, чем шестилетний Юлдаш Юберов, сын Юзима Юберова – колхозного шофёра?! Нет, конечно, нет!

Старик снова коснулся лица ладонями, не мигая, смотрит на дорогу.

В Советскую армию его призвали, когда он уже был не только женат, но и жена к тому времени родила ему сына и ходила следующим. Однако призвали.

Три года на Дальнем Востоке в батальоне обеспечения авиационного полка, в аэродромно-эксплуатационной роте водителем. Набрался опыта и водительского, и житейского.

Когда уволился в запас, получил новенький Газ – 52. А потом и стал механиком колхозного гаража. Можно было и не ездить больше на машине лично. Но страсть как тянуло за руль!

Воспоминания старика прервал автомобильный сигнал с дороги.

– Отец! – на обочине стояла легковая иномарка, и к нему направлялся молодой человек в рубашке с короткими рукавами, с пустой пластиковой бутылкой в руках.

– Здоровья тебе и мира дому твоему, батя, – незнакомец слегка поклонился. – Не подскажешь, где можно набрать простой питьевой воды? А то у дочурки аллергия от лимонадов. Говорят, где-то здесь есть родник.

– Откуда знаешь про источник? – вместо приветствия спросил старик.

– Отец мой всю жизнь дальнобойщиком проработал. Рассказал, что где-то в этих местах есть родник с чудодейственной водой. Он всегда перед этим подъёмом останавливался, брал воду в источнике.

– Был. Скажи своему отцу, что родник был, а сейчас его не стало: засыпали, когда делали дорогу. Чуть ниже, метрах в двухстах был, – дедушка устало взмахнул рукой, давая понять, что разговор окончен.

– Жаль, очень жаль, – молодой человек направился к легковушке. – Не болей, батя! – крикнул на прощание.

– И тебе это... счастливой дороги, – прошептал уже больше для себя, чем для незнакомца.

Да-а, родник...

Когда и как всё начиналось?

В каком же году положили хороший асфальт на этом участке дороги и сделали разметку? Поставили знак? Дай бог памяти...

Давно.

Он, Юлдаш Юзимович Юберов, ехал за рулём колхозного Газика, вёз сено с луга для своей коровы. Конечно, никаких документов, даже водительских прав, у него не было. Да и зачем их нужно было брать? Перед кем отчитываться? Здесь все знали колхозного механика и без документов.

На горе, чуть дальше вершины сопки, совершенно невидимый с трассы, иногда стоял наряд ГАИ.

Вот и в тот день он стоял.

Юлдаш притормозил у родника, испил воды, ополоснул усталое лицо. Рядом останавливались другие автомобили. Водители набирали воды, пили, отдыхали немножко, делились шофёрскими новостями и тут же снова спешили к машинам, продолжая путь.

Поехал и он, механик колхозного гаража Юлдаш Юберов. Его машина, груженная сеном, широкая, еле-еле двигалась вверх по длинному затяжному подъёму. Сплошная осевая линия на асфальте и дорожный знак запрещали обгон. Водители следовавших за ним машин спешили, сигналили, просили съехать на обочину, дать дорогу. Однако Юлдаш не прибавлял газу, и съезжать на обочину не собирался. Он не спешил. Ему куда спешить?

«Успеете, торопыги, – недовольно ворчал он, немножко завидуя водителям-дальнобойщикам. – Небось, деньгу хорошую заграбаете за дальние рейсы, с моим заработком не сравнишь, значит, потерпите».

Потом мысли Юлдаша переключались на владельцев легковушек.

«И эти туда же, вору. С получки такие машины не купишь. Вору, факт. Вот и ползите следом».

Подъём длинный, затяжной. Терпению водителей приходит конец. Некоторые шофера не выдерживают, идут на обгон.

А там, наверху, сотрудники ГАИ.

Когда достиг вершины, вдоль дороги на обочине стояло около десятка машин, которые обогнали его на подъёме.

И снова злоба заполнила душу колхозного механика:

– Так вам и надо! Вы думали, что у нас просто так, да? Ан, нет! Платите штраф, товарищи! – злорадствовал Юлдаш.

К великому удивлению, остановили и его.

– Прошу ваши документы! – незнакомый молоденький сержант требовательно протянул руку.

– Какие документы, сынок? Я здесь живу и работаю... – начал было Юлдаш, но его грубо прервал сержант:

– Как? Нет документов? Немедленно выйти из машины! Вас – в отдел милиции для выяснения личности, а машину – на штрафную стоянку!

– Так... это... я... механик... вот. Меня все знают, – залебезил от страха Юлдаш Юзимович. Хотя и сам был начальником, однако тушевался перед представителями власти, панически боялся их.

Всех сотрудников ГАИ района он знал. Много раз приходилось спасать проштрафившихся колхозных шоферов, отвозить в райотдел не одну баранью тушу, не один ящик водки, чтобы забрать ранее отнятые права подчинённых.

А тут незнакомый. И очень строгий.

«Может, из соседнего района и я не знаю»? – мелькнула мысль.

На счастье, к ним направлялся начальник ГАИ района капитан Курбатов.

– Акрам Кадимович! – кинулся навстречу Юлдаш.

– Здравствуй, дорогой! – капитан и механик обнялись, приветствуя друг друга.

– Оставь нас, сержант, – приказал начальник ГАИ.

Они беседовали в кабине колхозной машины долго. Беседа была обстоятельной, серьёзной.

– Благодаря тебе, – доверительно излагал свою мысль капитан, – мы оштрафовали нарушителей на сумму... на сумму... вот тебе твоя доля – двадцать рублей.

Двадцать рублей!

Механик колхоза опешил от такой суммы! Грудь еле-еле удерживала разволновавшееся от неожиданно свалившегося счастья сердце.

Если его месячный оклад составлял в ту пору восемьдесят рублей, плюс калымные... Получалось сто-сто десять рублей в месяц. А тут за какие-то десять минут езды целых двадцать рублей! Это ж сколько можно заработать за месяц? Уму непостижимо! А если ещё и без выходных?

Было от чего опешить.

Акрам Кадимович и Юлдаш Юзимович расстались как самые близкие родственники.

Ещё через неделю Юлдаш Юберов уже состоял штатным дворником при районном отделе внутренних дел.

– Это, чтобы шёл стаж, – пояснил капитан Курбатов.

Правда, метёлку новому сторожу так и не дали, а выделили ему вместо неё самосвал на базе ГАЗ-51. Откуда и как он попал в ГАИ – Юлдаша не волновало. Главное, что машина была на ходу, неприхотлива в работе. А что ещё надо дворнику РОВД?

Отныне в его обязанности входило стоять гружёным песком у родника перед длинным затяжным подъёмом и ждать, пока соберётся с десяток машин. После этого Юлдаш садился за руль и медленно, очень медленно начинал движение в гору. За ним всегда выстраивалась очередь грузовых машин и легковушек. Водители сигналили, нервничали. Но Юлдаш Юзимович был непреклонен!

Многие шофера не выдерживали, шли на обгон. А на горе, сразу за вершиной сопки, всегда стоял наряд ГАИ.

Таких рейсов в иной день приходилось делать не один десяток раз.

Иногда Юлдаша Юберова отправляли в командировку в соседние районы. Там тоже были длинные затяжные подъёмы. Тогда ему выплачивались помимо суточных денег, ещё и командировочные. А как же! Всё должно быть по правилам!

Достаток в доме, дом на зависть соседям – всё это было. Вот только деньги на книжку не клал: боялся. Хранил в стеклянных банках.

Менялись сотрудники ГАИ, начальники, а дворник РОВД по-прежнему оставался на месте. Правда, ездил уже на самосвале на базе ЗиЛ-130. И всё так же кузов был загружен песком.

Однажды Юлдаш с удивлением увидел, что в песке в кузове проросла маленькая берёзка. Пришлось ворошить песок, придавая ему свежий вид. Ну, это уже были издержки производства. Куда без них?

Федеральную трассу Юлдаш Юзимович любил больше себя. Он её обожествлял! Как и всех сотрудников ГАИ, с кем ему довелось работать.

Увеличивалось количество машин на трассе, увеличивался и доход дворника РОВД.

Старик вспоминает, блаженно улыбается.

Когда у него родился первый внук, он на радостях угощал товарищей по работе. Вот тогда и впервые обратились к нему: «дедушка Ю». И сказал так Акрам Кадимович Курбатов. К тому времени он уже был начальником милиции района, подполковником.

– Дай Бог здоровья и процветания дедушке Ю! Что бы мы без него делали? – закончил тост Акрам Кадимович.

Этим необычным именем с тех пор и называют старика – дедушка Ю. А он и не обижается: так оно и есть – Юлдаш Юзимович Юберов.

Хотя, если быть до конца честным, не всё было гладко.

Когда развалился Советский Союз, он успел обменять только две банки денег. Остальные банки не смог найти, забыл, где спрятал. А когда нашёл – обмен денег уже закончился. Вот это была трагедия!

Как он переживал?!

Вымещал злость и ярость на жене, на детях, на внуках. Сначала они терпели: как же, дедушка – кормилец. Он содержал не только свою семью, но и семьи сыновей и дочерей. А их

у него шестеро. Живут отдельно от родителей, у каждого дом – полная чаша. И всё на скромную зарплату дворника РОВД.

– Неблагодарные, – шепчет дедушка Ю, проводя в очередной раз руками по лицу. – Забрать мать к себе, а меня, отца родного, на старости лет оставить одного в таком огромном доме? Где совесть? Э-эх, нет на вас управы. Не посмотрели, что оставлять родителя – тяжкий грех.

Последние годы вспоминает с болью, с грустью.

Вроде всё шло, как обычно.

А потом пошла такая чехарда в стране, что старый Юлдаш еле успевал следить за событиями. К счастью, они, события те, совершенно не сказывались на его дневной выручке. Даже напротив: доходы росли день ото дня, год от года.

Но вдруг к сопке приехало очень много строительной техники. Старую трассу расширили, сделали на подъёме две полосы, столько же на спуске, убрали знак, запрещающий обгон.

И старика уволили с должности дворника при районном отделе внутренних дел.

– Да-а-а, – тянет дедушка Ю. На лице, как и в голосе, отчаяние и безысходность. – И здоровье было, и машина ещё ходила бы и ходила, так нет, дорогу новую затеяли. Нет справедливости, нет.

Ещё одна машина остановилась на обочине.

– Отец! Где здесь родник?

– Иссяк! – напрягает голос старик. – Кончился!

– А-а. Ну, здоровья тебе, батя, – машина стремительно срывается с места, встраивается в общий поток, исчезает за поворотом.

«Добрый» Рассказ

Петька Сабуров добрый. При его росте под два метра и при весе центнер с гаком другим быть невозможно.

Помимо того, что он добрый, он ещё имеет двадцать восемь лет от роду и звание капитана, служит в ГАИ. В этой организации Петя является специалистом по разбору ДТП, которые «с тяжкими последствиями».

Его доброта и прилежание в службе позволили Петьке спокойно пройти переаттестацию, когда милиция превращалась волшебным образом в полицию, и шло тотальное сокращение штатов. Мало того, в те бурные и нервные времена для работников правоохранительных органов, он умудрился получить очередное воинское звание «старший лейтенант». Капитана ему присвоили не так давно, и досрочно. И не потому, что добрый. А за мужество. Но это уже отдельная история. Петька ещё и скромник.

К чести Петра, за всё время службы он ни разу не брал взятку. Как-то так получалось, что никто и никогда не предлагал ему деньги. Почему так? Петька и сам не знает. Но не предлагали. Другим сослуживцам давали, он это знал, а вот ему – нет. Иных судили судом офицерской чести, некоторых попросту выгоняли из органов, а то и сажали в тюрьму.

Иногда Петя тайком задаёт себе вопрос: взял бы или нет, если бы предложили? И не находит ответа. Потому как опыта не было.

А ещё у Петьки есть семья: жена Лена и дочурка Света. Жена работает помощником мирового судьи района, а дочка учится в третьем классе.

Если Лену Петька любит безумно, то дочурку любит по особой формуле: чувства к жене умноженные на величину, стремящуюся к бесконечности. А потом ещё возвести в квадрат. Нет, в куб, а то и выше. А ещё лучше – в сто тысяч миллионную степень. Ну, где-то так. Хотя, если быть справедливым и точным, то и эта величина любви к дочурке не способна полностью соответствовать отцовским чувствам Петра. Они где-то за гранью понимания не только простого смертного, но и всех Пифагоров и Перельманов с Архимедами вместе взятых.

Конечно, есть двухкомнатная квартира. В ипотеке. И машины. У жены – малолитражка, а у мужа – джип. Благо, в нынешних условиях помощник мирового судьи и капитан полиции могут позволить себе машины. Хотя бы в кредит. Пусть и подержанные.

Само собой у Петьки есть друг. Настоящий. Ещё с детского садика. Зовут его Сашка. Александр Долгов. Друзья не только были в одной группе в детском саду, но и учились в одном классе. А потом вместе поступили в политехнический институт на машиностроительный факультет, который успешно окончили.

Но работать по специальности не уподобило товарищей.

Петро ушёл в правоохранительные органы, а Сашка подался в предприниматели. Долгов сейчас имеет небольшой магазин в частном секторе города, и собственный дом там же. С простой русской банькой.

Если позволяет служба, то почти каждую пятницу после работы друзья встречаются у Сашки. Без жён.

Скромная, без особых изысков, закуска, и бутылка водки. Это после баньки. И беседы почти за полночь там же, в предбаннике.

Жёны пытались противиться мужской пятничной традиции, закатывали скандалы вначале, даже навязывались в компаньоны. Но куда там! Женский день – суббота. А тут пятница. Так что...

Всё бы ничего, да вот только в последнее время в семье Сабуровых обнаружился разлад. Образовалась трещина. Нет, огромная расселина. Ленка изменила! Спуталась со следователем из соседнего райотдела МВД. Факт неоспоримый.

Петька это почувствовал давно, ещё с полгода назад: жена перешла спать в детскую к дочери.

А потом Петро застал любовников за городом на месте преступления – в машине жены. В самый пикантный момент.

Что он сделал? Да ничего!

Они закрылись в кабине, не открывали дверь на его неоднократные и настойчивые, настоятельные, уважительные просьбы. А он ведь просил очень вежливо.

Всё равно не прониклись.

Петька не придумал ничего другого, как взять машину жены с любовником внутри на буксир к своему джипу и потащить в город.

Противник был вынужден капитулировать.

Когда следователь вышел из машины, Петя взял его за грудки, приподнял, притянул к себе.

– Иди домой, – вот и всё, что выдохнул в лицо тощему, испуганному сопернику капитан полиции и по совместительству муж изменщицы.

Даже не дал по морде. Хотя мог. Имел право. Но не дал. Потому как добрый.

Зато сам Петька тут же получил пощёчину от законной супруги. И не одну, а целую серию пощёчин.

– Ненавижу! Ненавижу! – кричала Лена, и била Петьку по щекам. – Я его люблю, люблю! А тебя ненавижу, ненавижу!

– И ты езжай домой, – Пётр взял жену за плечи, подтолкнул к машине. – Там Светка из школы пришла.

А сам поехал к другу. К Сашке. Правда, перед этим заехал в посадки, что вдоль дороги, и просидел в машине почти до вечера. Что он чувствовал? Да ничего. Пустоту разве можно чувствовать? Пустота она и есть пустота. Он вроде, как и не жил это время. Вычеркнул из жизни. Впрочем, он и последующие дни не жил, а существовал. И некоторые предыдущие тоже.

Друзья, как и прежде, встречались каждую пятницу. Всё было по-старому, но и появился новый ритуал. «Разводной», – сам себе определил Сашка.

Во-первых, Петька запретил другу даже произносить имя Ленки.

На что Сашка лишь разводил руки, да пожимал плечами.

Хотя Долгов и сказал-то в сердцах, чисто эмоционально:

– Сучка, ох, и сучка!

– Не смей так говорить! Я... я... люблю, понял?!

Во-вторых, после бани, когда залпом выпивался первый стакан водки, Петька расслаблялся и... плакал! Плакал навзрыд, со всхлипами.

– Ну, скажи, скажи, зачем она так? – сквозь слёзы и всхлипы спрашивал друга. – А я ведь люблю её, люблю-у-у-у!

Сашка дотягивался до могучего плеча товарища, с чувством сжимал, и молчал.

– Вот чтобы ты сделал, Сашок, если бы твоя Танька тебе так как Ленка мне?

– Чур, меня, чур, – украдкой крестился Сашка. – Не знаю, Петя, не знаю. Уж прости.

... В эту пятницу всё шло согласно ритуалу: банька, первый стакан водки, Петькины слёзы.

– А ведь они встречаются, как и прежде, Сашка, – пьяно плакал товарищ. – Что, что мне делать? Умом понимаю, что надо уйти, оставить её, но там Светка, – и снова рыдал до всхлипов, до икоты.

– Не спеши, – на этот раз Сашка решился на совет. – Перебесится и всё вернётся на круги своя.

- Не могу я, не могу! Уйду!
- Не торопись. Уйти ты всегда успеешь. Уходя, надо знать, как вернуться обратно, – у Сашки проснулись вдруг философские начала.
- Ну и? Слишком уж ты мутно говоришь.
- Есть мудрая китайская поговорка, – Сашка достал последний козырь.
- А причём тут китайцы?
- Она гласит, что надо подождать на берегу реки, пока мимо проплывёт труп тигра.
- Ты на что намекаешь, философ? Ленкин труп? Или того? Предлагаешь убить их, что ли?
- Дурак ты, Петя. Это образно так говорят китайцы.
- Поясни!
- Я же говорю, что Ленка перебесится и вернётся к тебе. У того ведь тоже семья, двое детей. Я узнавал. У Ленки и хахаля её этот, как его? Блудулизм у них, во как. Это болезнь возрастная такая. Она проходит. Ты только жди, не торопись рвать по живому. Светлана у тебя есть. Это – главное.
- А ты откуда знаешь про болезнь, про блудулизм?
- Книги читаю, а не устав караульной службы и не уголовный кодекс, – глубокомысленно изрёк Сашка.
- О-го-го! – с нотками восхищения произнёс товарищ. – А у нас почему её нет, болезни этой? У тебя? У меня? У твоей Таньки?
- Она у того бывает, у кого ума маловато. Это умственная болезнь. Черепная коробка есть, а мозги в ней болтаются, как это, что в проруби. Мало их на объём черепа. Пустота в коробке заполняется блудулизмом. Это как раковые клетки, только не смертельно. Лечится временем. Ну, и ещё кое-чем, более кардинальным, но тебе при твоих данных лучше не знать.
- Ух, ты! – опять восхитился познаниями друга, и на всякий случай потрогал свою голову. ...Сегодня Петя пришёл чуть раньше со службы.
- Собрал в чемодан одежду, сложил полицейскую амуницию. Вчера договорился и снял квартиру. Больше терпеть сил не стало. Потом заберёт к себе Светку.
- Он взял вещи, направился к выходу.
- В это время открылась дверь в детскую комнату.
- Т-т-ты п-п-почему дома? Почему так рано из школы? – заволновался вдруг Пётр.
- И увидел глаза дочери: родные-преродные, голубые, большие, большущие, полные чистых-пречистых слёз.
- Папа! Папенька! Не уходи, папочка, миленький, не-у-хо-ди-и-и-и, родной мой!
- Светка кинулась к нему, прижалась худеньким тельцем, дрожала вся.
- Если бы в это мгновение у Петьки отрывали бы руку, ногу, четвертовали бы его, по кусочку откусывая живую плоть, жгли бы на медленном огне – он бы стерпел. И звука бы не издал. Помимо того, что он добрый, он ещё и сильный. Но слёзы дочурки... этого Петя вынести не мог! По определению. От слова совсем.
- Что ты, что ты!
- Он прижимал самого родного на свете человечка и с трудом сдерживал себя, чтобы не заплакать. И мучительно подбирал слова:
- Что ты, что ты! Это я в гараж... очистить шифоньер... вот. Лишнее накопилось.
- И парадный мундир с наградами? – шептала в ухо дочурка. – И кобуру, да? Не уходи, папа, миленький, родной мой, не уходи. А как же я? Я тебя люблю, люблю, люблю-у-у-у! И маму люблю-у-у-у! Я вас вместе люблю-у-у-у!
- Это... это... по ошибке, Светик, – оправдывался Петька. – Нечаянно положил. Сейчас вернём всё на место.

– Я помогу тебе, папочка. Ты только не бросай нас, не уходи. Ты ведь добрый. Я тебя люблю-прелюблю!

– Что ты, что ты, – твердил Петро дрожащим голосом. – Я терпеливый, я дождусь, – говорил загадочно, целуя мокрые глазки дочери. – Верь мне, верь, Светик. Тигр проплывёт, вот увидишь. Так оно и будет. Китайцы мудрые. Проплывёт, куда денется. Побесится, побесится, и приплывёт к нам. Выздоровеет.

Комолая и Нежданка

Сказка – быль

Сашку называли Нежданкой. Почему именно так, а не иначе? Да потому, что появился он в семье совершенно неожиданно. Уже было шестеро детей, куда больше?! Ан, нет! Сашка возьми и заяви о себе. Куда деваться отцу с матерью в таком случае? Вот и явился миру Нежданка.

Всё бы ничего, да заметили люди, что с самых малых годков мальчишка больше знает с птицей, животиной, иной Божьей тварью, а вот со сверстниками или с кем старше – вроде как сторонится их, не привечает. А то и не замечает. Странно это сельчанам: почему ни как все? Что только ни делали: и убеждали, и объясняли, и, чего греха таить, поколачивали иной раз, а принудить так и не смогли. Насупится, зубки стиснет, кулачки сожмет, затрясётся весь, побледнеет лицом, и хоть ты кол ему теши на голове, стоит на своем. Махнули рукой, отстали от парнишки. Мол, что с него взять можно? Нежданка, одним словом, вот и весь сказ.

Только Сашка не переживал: чего зря обижаться? Люди есть люди: всегда в душу друг дружке лезут без спросу. И чаще всего стараются нагадить там, напаскудить, испортить настроение. Их, людей этих, не переделать. Пусть живут, как умеют, лишь бы его не трогали. А сам глазёнками зырк по двору: нет ли рядом друзей настоящих, верных? Тех, с кем душе легко, сладостно. И уходил в дальний угол двора под навес, где отцовский верстак с инструментами. Родитель доверял Нежданке – не испортит.

Возьмёт, бывало, мальчишка веток боярышника с палец толщиной, обязательно хорошо высушенных, и давай зубья для граблей мастерить. А куры тут как тут: у ног снуют, копошатся. Вдруг и им что перепадёт? Иль их помощь потребуется? Да мало ли чего...

Кот рядышком пристроится, в стружке спать наладится: покойно ему с Нежданкой.

Петух на верстак вскочит, наблюдает да диву даётся: как это ловко из неказистой колючей деревяшки изящная и полезная вещица получается?!

– Нравится? – спрашивал мальчишка, лукаво щурясь.

– Ку-ка-ре-ку! – отвечал кочет, восхищаясь мастерством Нежданки, хлопал крыльями, аплодируя.

– Да ладно, – смущался Сашка. – Вот батя мастер так мастер. А я учусь только.

Воробьи по веткам скачут, наблюдают с высоты. Даже сорока усядется на коньке избы и ну стрекотать, разговаривать с мальчишкой.

– И ты туда же, – нехотя отмахивался от птицы парнишка. – Не до разговоров, извини, белобока.

Она и не обижается, напротив, слетит с крыши, сядет на плетень, чтоб рядом быть, чтоб лучше видеть.

Собачонка не отходит от Сашки, преданно в глаза заглядывает, оберегает от злых людей.

Услышал однажды Нежданка истошные птичьи крики. Это сорока попала в силочку, запуталась, бьётся крыльями, кричит истошно. А тут и деревенская ребятня подросла. Смотрят, как сорока в силке бьётся, криком исходит. Смеются.

Растолкал толпу Сашка, освободил птицу. А она обессилила, крылья повредила, лететь не может. И снова ребятня смеётся, палками да снежками давай бросать в раненую сороку.

«Забьют ведь», – подумал Нежданка.

Подбежал к птице, руки расставил, закрыл собой:

– Не смейте! – кричит. – Это тварь Божья! Она боль чувствует! Она жить хочет!

А ребятнишки не унимаются. Напротив, поступок Сашки ещё больше раззадорил их. С новой силой бросать палки да снежки стали. И всяк норовит в птицу попасть. А некоторые

и в Нежданку целили специально. Не единожды комья снега да палки ему попадали. Больно! Однако ж сороку спасал, не уходил.

Но и ребятня в раж вошла. Обходить Нежданку стала, со всех сторон нападать на него да птицу начала.

Видит Сашка, что числом они больше, силы неравны. Схватил он сороку, сунул за пазуху да бегом к дому сорвался. А детишки бегут следом, улюлюкают, по спине его руками да палками бьют.

– Отдай птицу! – кричат. – Это наша добыча!

Не отдал! Во двор к себе забежал, в сарае закрылся. Потом с неделю ухаживал за птицей, кормил. И только когда убедился, что она полностью выздоровела, выпустил на волю. А сорока улетать со двора не хочет. Покружит-покружит над деревней, да опять к Нежданке во двор прилетит. Сядет на плетень иль на ветку дерева, а может и на конёк избы взлететь, перебирает лапками, бегаёт, крылья расставит, кланяется, и стрекочет, стрекочет, словно благодарит мальчонку.

А он улыбается, счастливый, машет ей варежкой:

– Улетай, улетай к себе, белобока! Да смотри, не попадай впредь в силки. Надеюсь, научена.

Собачонка Булька на цепи сидела, двор да избу сторожила. Хозяйка корм ей в чашку собачью плеснула, сама на работу убежала.

А куры тут как тут! На еду позарились. Так и норовят отобрать у Бульки. Та рычит, зубы скалит, отгоняет непрошенных гостей. А они, знай, лезут да лезут. Схватила собачка зубами одну из нахалок, прижала для острастки, да и выпустила. А та раскудахталась, разоралась! Мол, разные собаки не имеют права хватать хозяйских кур!

Нежданка хохочет:

– Так тебе и надо, воровка!

Сашкин старший брат видел это, скоренько доложил родителю, что, мол, собака кур рвать пытается.

Отец, долго не думая, пошёл прут искать, чтобы, значит, Бульку проучить.

А Сашка первым выскочил во двор, освободил от цепи собачку:

– Беги! Батя успокоится, потом придёшь. А то под горячую руку... а так он добрый. Беги!

Повис на руках родителя Сашка, рассказал правду, отошёл отец сердцем, не стал наказывать Бульку.

Но особые отношения сложились у Нежданки с коровой Мартой.

Комолая, она была на удивление добродушной и спокойной животиной. Чем не преминули воспользоваться её рогатые бодливые соплеменницы. Ещё не было дня, чтобы какая из них не испробовала свои рога на беззащитной Марте.

Она, бедная, ревмя ревела, убегала, но её снова и снова норовили боднуть, изгнать из стада. Вот тогда на помощь приходил Сашка, отгонял воинствующих коров, оставался рядом с Мартой, оберегал. В знак благодарности она тепло дышала в лицо мальчишке, а то и пыталась лизнуть в щёку шершавым языком.

Однажды по весне погнал Сашка комолую на водопой к реке Туба, которая протекает сразу за околицей. А река к тому времени вскрылась, и несла на себе последние льдины к могучему Енисею. Одна из них прибилась к берегу, остановилась, мягко покачиваясь на водной глади, манила своей надёжностью и доступностью. И ещё чем-то загадочным, неизведанным, но таким притягательным и манящим.

Нежданка, не раздумывая, вскочил на неё, оттолкнулся палкой от берега, поплыл, наслаждаясь ни с чем несравнимым чувством путешественника и первооткрывателя неизведанных и таинственных стран.

А льдинка всё плыла и плыла, разыскивая выход на большую воду. Здесь, в тихой заводи, ей было неудобно.

Вдруг мальчишка почувствовал, что палка не достаёт дна. Однако Сашка не растерялся, а, встав на колени, принялся грести ею к берегу, даже пытался помочь ладошкой. Но палка – не весло, да и детская ладошка не тот инструмент, чтобы управлять большой льдиной. А течение у реки быстрое, стремительное. Спешит она скорее слиться с огромным Енисеем. Это только у берега, у тихой заводи течение обманчиво тихое. Вот и уносило льдину всё дальше и дальше от берега.

Восторг от путешествия сменился растерянностью. Нежданка заметался, запаниковал. Как назло, в округе никого нет. Лишь комолая корова Марта. Да сорока прилетела следом, а сейчас металась над рекой, почти касаясь головы мальчишки, кричала неистово.

Марта бежала берегом, не спуская глаз с реки, и тревожно мычала.

На повороте льдина затрещала, а ещё через мгновение раскололась на три части. Сашка чудом успел упасть на самый крупный кусок, уцепиться намертво в его края, и закричал:

– Спа-си-те-е-е! По-мо-ги-те-е-е!

Промокшее пальтишко добавляло веса. Волны перехлёстывали льдину, она просела, погружая мальчика всё глубже и глубже в холодные воды Тубы. Нежданка с трудом балансировал, лёжа на льдине, опасаясь быть перевернутым ею в любую минуту.

Оставалось совсем немного, и течение вынесет Сашку на стремнину. А там...

– Спа-си-те-е-е! – вопил мальчишка. – По-мо-ги-те-е-е!

Комолая металась на берегу, непрестанно редела. И когда Сашкин голос в очередной раз долетел до неё, она бросилась в воду чуть впереди, на выступе из заводи. Словно понимала, что в этом месте будет легче дойти до своего друга, перехватить, спасти его.

И она пошла наперерез льдине с Нежданкой.

Дно уходило из-под ног, Марта теряла опору, но и тогда не повернула обратно, а поплыла. Сейчас только её безрогая голова торчала над водой. Расширенные ноздри животного с шумом втягивали воздух.

Льдину вынесло точно к Марте. Мальчик ухватил корову за шею, намертво сцепив пальцы. И уже не было на свете сил, которые могли бы расцепить их.

А во дворе Сашки рвалась с цепи и выла Булька. Выла так пронзительно, так отчаянно, что родитель не выдержал, вышел на крылечко, пригрозил собаке:

– Чтоб ты выла на свою голову! Ну-ка, перестань!

А собачка словно не слышит угроз, знай, себе, воет, рвётся с цепи.

Мать выбежала во двор, понять ничего не может, но заволновалась чего-то.

Тут и Сорока прилетела, и ну стрекотать, ну метаться над головами родителей!

Булька сорвалась-таки с цепи! Тут же бросилась со двора к реке. Сорока то пыталась лететь за Булькой, то вновь возвращалась во двор, и стрекотала, стрекотала над головами родителей, металась, почти касаясь крыльями их.

– Сашка?! Отец, что-то с Сашкой стряслось?! – мать, как была простоволосой, кинулась вслед за собакой.

За ней и отец поспешал к реке. По дороге к ним примкнули ещё люди.

А Марта, тем временем, всё гребла и гребла к берегу. Но течение сильное, быстрое, уносило её всё дальше и дальше. Однако она не сдавалась, всё гребла и гребла. И сил оставалось всё меньше и меньше. Уже однажды комолую накрыла волна, и её голова полностью ушла под воду. Но она всё же смогла вытянуть шею, вдохнуть в себя такого живительного, такого спасительного воздуха. И не переставала грести.

Усилия коровы не пропали даром. Вот её ноги коснулись дна. Сначала топкого, но с каждым гребком дно становилось всё твёрже и твёрже. А вот и берег!

Обессиленная, Марта упала. Лежала какое-то время, отдыхала.

Рядом неподвижно лежал Сашка.

Дул Сиверок. Уже морозило к вечеру. Одежка на Нежданке бралась ледяной коркой.

Отдышавшись, Марта прижалась боком к мальчонке, согревая. Потом повернула голову, принялась лизать лицо его шершавым языком.

Когда прибежали люди, корова так и не встала, продолжая согревать и облизывать бесчувственное тело Нежданки.

Отец подхватил на руки сына, положил животом на колено.

У Сашки вода ртом пошла, он задышал.

Кудахтала курица, бранилась старуха Рассказ

Во дворе, опершись на батожок, стоит старуха. Вокруг неё у ног снуют, копошатся куры. В тени старой липы, что в дальнем углу двора, в корыте плескаются гуси, утки, кричат. Их гогот и кряканье заглушает стрекот сороки, которая примостилась на нижней ветке дерева.

– Гляди мне, бестолковая, – угрожающе машет палкой в стороны птицы бабушка. – Позаришься на курёнка, так получишь от меня, халда деревенская. Всё болтать, болтать горазда, лишь бы пользы не приносить. Воровка! Лучше бы жуков с картошки уничтожала, и то был бы толк с тебя. А то уж не знаешь, куда от них деваться. Замордовала прямо, нечисть заморская. Висят гроздьями, что ягода. И всё жрут и жрут ботву, прорва ненасытная. Тьфу, чисто наказание на головы православных.

Словно вняв требованиям старухи, сорока снялась с ветки, перелетела в сад, уселась на яблоню, застрекотала там.

– Во-о-от, оно и лучше. Может, уподобит, и жуков жрать станешь, а то всё нос воротить от этой живности, – довольная, старуха поднимает голову, смотрит на солнце, щурится.

– Обед скоро.

С гнезда слетает курица, начинает кудахтать. Ей вторит петух.

– Ты-то, ты-то чего раскудахтался? – глядя на петуха, говорит старуха. Сморщенное лицо её ещё больше морщится, изображая улыбку.

– Чего радуешься, дурачок? – на этот раз она издала коротенькие всхлипы, плечи стали подёргиваться, голова затряслась: бабушка мелко-мелко хихикала, подначивая кочета.

Избыток чувств переполнял старческое тело, рвался наружу, грозился выплеснуться на хозяйский двор.

– Откуда вам, кобелям, знать, чего баба радуется? Может, её топтал соседский петух, а ты, дурачок, песни орёшь от радости. И-э-э-эх! Мужики – дураки. Как в жизни, так и в курятнике, прости Господи.

Потом подумала немного, заключила:

– А в курятнике – как серед людей. Всё едино.

Продолжает стоять, созерцает двор, бросает взгляд на огород, потом на улицу. Лишь переминается с ноги на ногу.

Вот её внимание снова привлёк петух. На этот раз, опустив крыло, зачирил, пошёл, пошёл вокруг курицы. Но та не только ни присела перед кочетом, а, напротив, клюнула его в голову. Петух с криком отскочил, возмущённо закудахтал.

– А-а-а, получил?! – восхищённо и радостно воскликнула старуха. – Так вам и надо, кобели проклятые. Вам бы только взобраться на молодницу, а там хоть трава не расти.

Полдень.

Жара.

Поискала глазами: где бы присесть?

Там, под липой, в тенёчке, где гуси, штабелем лежат неотёсанные брёвна. Потихоньку направилась в угол двора. Провела для порядка рукой по шершавому боку бревна, села.

Сразу же к ней на колени стала ластиться кошка, тыкалась мордой в бок, мурлыкала.

– Иди уже, иди, – старуха усадила кошку в подол, поглаживая. – Ох, уж и хитрая ты, Хыся! Всё бы тебе ласкаться, всё бы в тепле нежиться. Ладно, лежи, куда от тебя деться. А заодно и послушай, что скажу.

В соседнем саду за плетнём мелькнул женский силуэт.

– Старая карга вылезла, – обращаясь к кошке, начала шёпотом старуха. – Подру-у-уга! Тьфу, есть что говорить, нечего слушать. Таких подруг лучше в этом... видеть, в тапочках. И обязательно в белых. Думает, я не помню. Всё-о-о я помню! Всё-о-о! А ещё она, шалава, думает, по сей день, что я ничего не знаю, что, мол, дура я слепая и непонимающая. Ага, так ты и угадала, курва! – произносит с надрывом, со злостью в сторону соседки. – Не на ту нарвалась, проститутка! Я спуска никому не дам, никому не прощу эти... обиды. Во как. Ни тебе, ни сестре родной, это чтоб вы обе знали.

Кошка, убаюканная голосом хозяйки, уснула, свернувшись калачиком в подоле. Утки, накупавшись в корыте, утомонились, наконец, расселись в тенёчке у плетня, тоже дремали. Лишь куры да петух всё рыскали по двору, купались в пыли, греблись в земле. Да цыплята выбегали на мгновение из-под крылечка, потом с писком, стремглав летели к курице-наседке, которая спряталась от жары под ганками. И гуси гоготали ещё, ели из корыта.

– Всё помню, – продолжила старуха, поглаживая кошку, и обращаясь к ней, как к собеседнице, к терпеливому слушателю. – А что я помню? – Дай бог памяти... а вот что помню, слушай.

Давно это было. И я молодая тогда. А уж, какая краси-и-ва-а-ая, что прям не обсказать словами. Что ж я, дура, что ли? Не видела себя в зеркале, не сравнивала с подругами? Ещё как глядела, ещё как сравнивала. И фигура, и ножки, и бёдра, грудь, да и всё остальное. А уж лицом взяла... Артистка прямо, красавица. Что ж, я не видела, как мужики пялились, пожирали глазами меня, когда шла куда-то или стояла где. Да они... да они... глазами это... и засопят, засопят, глаза масляные, что у кота мартовского. Конечно, красавица была, чего уж. Многие, ох, и многие мечтали добраться... Да-а-а. Вот оно как. А замуж вышла за Кольку. Холера его знает, с чего это я выбрала его, а не кого-то другого? Может, в тот момент иных рядом не было? Поторопилась, точно, поторопилась. Хотя... а и ладно! – бабушка от безысходности махнула рукой, покрутила головой, огляделась: нет ли кого рядом из людей, не подслушивает ли кто её откровения, её беседу с кошкой? Засмеют, ведь. Скажут, баба Катька Бондариха под старость впала в детство, сама с собой говорить стала.

Но всё тихо, умиротворённо, обыденно. Никого, лишь домашняя живность и соседка за забором, но далеко, не услышит.

– Да-а-а, за Кольку, за тракториста, – снова принялась вспоминать, делиться с кошкой. – Правда, тогда он тоже красавец был, хоть куда. Зато дури – на десятерых в избытке, а ему одному досталось. В драках, бывало, ровни не было. Всю деревню на уши ставил, драчун и забияка! – старушка улыбнулась, нежно коснулась спящей Хыси. – А со мной – ласковый, что котёнок. Одна я могла его усмирить.

Однако стала я замечать, что в первый же год после свадьбы Колька мой не ровно дышит вот к этой колоше старой, к Таньке Савостиной, – бабушка кивнула в сторону соседского огорода, где недавно промелькнула сама хозяйка. – Тогда и она не старая ещё была. Ровесница моя. Мы с ней в одном классе учились. А потом и на ферме коров доили вместе всю жизнь, до пенсии. И на пенсию в один год вышли. Вроде как подруги были. Значит, тогда Танька тоже молодая была, и красивая, но так себе. Конечно, со мной рядом не стояла по красоте, по фигуре. Да и вообще... И замуж только-только вышла, по одной поре со мной. Правда, за бригадира тракторной бригады вышла, за Валентина Савостина, а я за тракториста из этой бригады, за Кольку Бондарева. Вот как оно было, а ты говоришь.

Кошка проснулась, открыла глаза, посмотрела на старушку, зевнула.

– Не веришь, что ли? – женщина обиженно шмыгнула носом, укоризненно покачала головой. – Честнее меня может во всей округе не сыскать, а ты не веришь.

Однако кошка не стала оправдываться, снова уснула, и бабушка опять настроилась на воспоминания.

– Вот и говорю: неровно дышать стал Колька мой к соседке и подруге моей. Как я это заметила? Да просто всё.

Танька, сволочь, вдруг стала ко мне такой доброй, такой... такой, что хоть к ране приложи, такая добрая. Мол, могу подменить на дежурстве, ей, мол, не в тягость. То кинется коровёнку-другую подоить, мне помочь, то вдруг заодно и место моей группы вычистит от навоза, водой прольёт из шланга. Домой ждёт, чтобы вместе. Клянётся на каждом шагу в любви и дружбе. А в глаза смотреть боится, отводит взгляд, если что. А уж если поймаю взгляд этой блудливой сучки, так глаза её бессовестные бегают, бегают, чтоб с моими не встретиться. Ну-у, тут уж к попу не ходи: виновата подруга передо мной, ви-но-ва-та! А какая вина может быть меж подружек? Правильно! Мужик! Значит, схлестнулась с Колькой моим! Точно, схлестнулась!

И мой-то, мой Колька тоже как изменился вдруг. То сама ведра воды таскаю, чугулки двадцатилитровые из печи с картошкой варёной для животины достаю, перед собой ташу, живота надрываю, язык высунув от усердия – он не замечает. Как будто так и надо. А тут вдруг ведра хватать! и к колодцу. Без понукания, без напоминания. Сам, по доброй воле. Наносит воды, нальет во фляги, в бадейки. В сенках полные ведра воды оставит про запас. Ты, мол, прилягни, отдохни чуток. А сам за чугулки и к корыту, да давай секачом орудовать. Вроде как заботиться стал обо мне лучше родных мамки с папкой. Но я-то знаю, что он не такой. Не от сердца идёт его рвение и доброта ко мне. А со страху старается. Вину замаливает передо мной, кобелюка.

И в постели с ласками чуток не тот. Вот вроде Колька, всё, как обычно, а, чую, не так. Вроде как те ласки через силу. Хотя бугай был ого-го! Ещё тот! Да и запах от него как чужой, будто вперемежку с его смердячим. И женский тот запах, нутром чую, что чужой он и женский. Спросить? А как спросишь? И что, он сразу же всю правду-матку и выложит? Как бы ни так! Врать станет, изворачиваться, да так, что хрен чёрт без попа разберётся. Запутается сам и меня запутает. Вот оно как, а ты говоришь, – старушка наклонилась над кошкой.

Но та продолжает спать, никак не реагируя на стариковские откровения.

– Спи, Хыся, спи, – бабушка отогнала муху с кошки, продолжила:

– Неспроста, думаю, ой неспроста сомнения у меня начались. Видно, это знак свыше. Мол, не чешись, девка, крути башкой да шевели мозгой.

Посоветоваться-то в таких делах не с кем. Можно было бы с мамкой или сестрой. Так умерла мама, давно. Сестра? Про неё особый разговор. Значит, самой надо шишки набивать, опыта бабьего набираться. Спасибо, учителя под боком да за соседским плетнём обитают. Куда как хорошая школа.

Стала приглядывать втихаря за Колькой, да за Танькой наблюдать. Вижу, что мой мужёнок, когда по хозяйству возится, всё зырк да зырк украдкой через плетень на соседний огород. И вроде как мается, если я рядом. Вроде как стесняет его моё присутствие во дворе.

Ладно, думаю. Зыркай глазищами, кобель проклятый! Отольются эти... как их? Ага, вспомнила: слёзы. Не знаешь ещё ты меня, дурачок деревенский.

Долго ли, коротко, но почти год и пролетел в сомнениях. А тут Господь уподобил Таньке родить дитёнка. У нас с Колькой пока не было: рано. Решили меж собой, что позже, как хату пересыпим, обновим, вот тогда и ребяtnей обзаведёмся.

Да-а-а. Пошла я в ответки к Таньке. Она только-только из роддома явилась. Святое дело: надо отведать лучшую подругу, поздравить, мальчонку посмотреть. А как же. Положено. На том мир стоит. Наши родители так делали, их родители так жили, и нам велели.

Ну, пошла я, всё как обычно, встретились, то да сё. А вот когда впервые глянула на младенца, ты знаешь, – снова обратилась к кошке рассказчица, – у меня чуть сердце не остановилось. Вылитый мой Колька, только махонький ещё. И ушки в растопырку, и нос с горбинкой, и мордашка вытянута, и вроде как маленько плесневый, с рыжа. Ну, вылитый Колька!

Муж-то Танькин чернявый, можно сказать, как цыган. А сынок получился светленьким, только с рыжинкой. Ну, как мой Колька. Плесневый, одним словом.

А-а-а, думаю, подруга! Вот ты и попалась! Принесла в подоле родному мужу от чужого мужика. Мол, пользуйся на здоровье, мужёк, лелей, тетешкай, расти, и воспитывай чужого ребятёнка. Вот они отгадки на мои вопросы, на мои сомнения, – женщина прервала воспоминания, окинула взглядом двор: что-то изменилось вокруг, отвлекло от разговора.

Это вернулась сорока, уселась на забор недалеко от бабушки, крутила головой, нервно металась по штaketинам, но не стрекотала.

Гусак сместился в тенёк к брёвнам, тоже хозяйским глазом проверил обстановку во дворе.

За гусаком подтянулись гуси с гусятами, принялись щипать траву почти у ног старухи.

Кошка продолжала спать. Зато появились новые слушатели. Есть с кем поделиться наболевшим. Тем более, бабушка настроилась выговориться до конца.

Убедившись, что всё во дворе обыденно, в норме, продолжила прерванный рассказ:

– Во-о-от, я и говорю, – на этот раз обратилась к гусыне, которая выбирала место, где бы сесть, топталась против старухи, по родительски мягко, настойчиво и требовательно сзывала разбрёдшихся по двору гусят.

– Да, вот и говорю: Танька-то, Танька, лучшая подружка, поняла, что я догадалась, кто отец ребятёнка. Прямо, стлалась передо мной, задабривая, а в глаза поглядеть – ни-ни! И насто-роженная вся, взведённая, будто перед дракой. Кажется, вот только тронь – вскочит, подпрыгнет, кинется с когтями в лицо. Но я виду не подавала и повода не давала: что ж я – халда деревенская, чтобы тут же сопернице волосы рвать, окна бить? Я смекнула в тот раз, что скандал – это лишнее. Только людей насмешишь. А это мне надо? Нет, конечно. Вот и решила я отомстить умно, но так, чтобы чертям тошно стало. И Таньке заодно. Всё ж таки я не только красотой выделялась, но и умишком бог не обидел. Так-то вот.

Ага. Виду не подавала, улыбалась, поздравляла роженицу, общалась с товарками, всё как положено. Но план уже имела.

А тут сенокос в то лето подоспел. Всех колхозников на луга отправили. Даже доярок после дойки прямо с фермы грузили в машины и увозили. Правда, обедом кормили на лугу, и к вечерней дойке привозили обратно.

Я дежурной была в тот день, не поехала на луга. Домой с фермы забежала на минутку, чтобы по хозяйству это...

Глядь, а за плетнём Танькин муж, бригадир тракторной бригады Валентин Савостин на меня смотрит, любит.

– Красивая ты, Катька, – а сам облизывается, что кот мартовский. Ну, как и все иные мужики.

– Чего не на работе, не на лугах? – спрашиваю, интересуюсь, а сама мысль держу в голове.

– Танька поехала, развеяться захотела, а я с сыном. Спит сынок.

Халат рабочий на мне был. Я подошла к плетню, будто невзначай тот халат застёгивать-отстёгивать начала. Вроде как волнуясь. И край халатика в сторонку, в сторонку, чтобы нога выше колена, чуть ли не по самую... ага. А сама краем глаз наблюдаю, что и как вести себя будет Валька. Но уже твёрдо знаю, чую, чую, что мой он будет, мо-о-ой! Что ж я, мужиков не видала, что ли? Все они на один манер – кобели.

А он засопел вдруг, глазки масляными-премаслянными стали. По-воровски глазищами по сторонам, и ко мне во двор прыг через плетень! Ну, думаю, подруга, вот и рассчитаюсь я с тобой, квиты будем. Бабский долг этим... мужиком красен. И своему муженьку ответ: как ты меня празднуешь, так и я с тобою считаюсь. А как же: он скурвился, а я при нём святой буду? Хотя, это у него с Танькой грех, а у меня расплата с неверными мужем и подругой. Какой же это грех? Это ж торжество справедливости! Во как!

Да-а, понравились мне его прыжки через плетень, чего уж говорить. Вроде даже слаще, чем со своим Колькой. Главное в этой ситуации, что кровь гоняет сильно, мандраж и волнение, как... Риск, одним словом. И хочется, и боязно, оттого ещё больше охота.

Наверное, года четыре прыгал ко мне Валька, если не больше.

Родила я не по семейному плану, чуть раньше, чем с мужем договаривались, чем дом обустроили. Но я-то знаю, что Колька здесь не причём. Тут мой план сбывается: начала я мстить подруге и соседке. Пусть знает, курва: за мной не заржавеет.

А муж? А что муж? Он, не хуже петуха-дурака. Бегал по деревне, радовался, всех угощал: мол, сына жена ему родила.

«Радуйся, радуйся, дурачок, – себе думаю. – За плетнём тоже радуется такой же гореродитель».

А потом через год и дочурку родила. А Колька снова радуется! Вот дурак! Я же говорю: что в курятнике, что в жизни – всё едино. Откуда знать петуху кто топтал его курицу? – снова ироничный смешок слетел с губ старухи.

– Прости Господи, – бабушка повела кистью перед ртом, изображая крестное знамение. – Ну, это с соседкой. Вроде как рассчиталась, наказала подругу. Ну, и мужу показала, кто в доме голова, и как семейную жизнь налаживать надо.

А вот ещё и с сестрой что было... – рассказчица снова прервалась, в который раз оглядела двор.

Гуси к этому времени сморились на жару, дремали стайками. Лишь гусак ещё бодрствовал, ревниво следил за петухом, когда тот приближался к гусям. Выгибал шею, шипел, шёл в наступление на кочета, расставив крылья, махал ими, отгонял.

Сорока добралась-таки до куриного корыта, в спешке клевала корм, воровато оглядываясь по сторонам, прыгала, готовая в любое мгновение к любой неожиданности.

– У-у-у, воровка, – старуха хотела замахнуться палкой на птицу, закричать, но боялась испугнуть уснувшую домашнюю живность, не осмелилась нарушить благоговейную тишину во дворе, и потому лишь шипела не хуже гусака:

– Нет, чтоб жуков жрать на картошке, так она на готовенькое, лишь бы своровать. У-у, глаза б мои не видели тебя, сволочь! На чужое падка, негодница!

Однако оставила в покое сороку, смирившись.

– На чём же я остановилась? – бабушка напряглась, вспоминая. – А-а, вспомнила.

Сестра моя младшая на год, Светка, замуж вышла за офицера. Как раз через год после меня.

– Я, – говорит, – офицерша! А ты, Катька, в навозе да в мазуте всю жизнь ковыряться будешь.

Задело меня: обидела родная сестра. Однако, виду не подала. Стерпела. К тому времени уже науку постигать начала, с соседкой да мужем своим рассчитывалась. А сама думаю: откуда тебе знать, офицерше, что в день свадьбы твой офицерик мне под юбку в сенках лазил, за титьки лапал, лез целоваться, пьяно плакал?! В кладовку волок, упрашивал. Говорил, мол, если бы меня раньше встретил, то... э-э-э, да что говорить!

А Светка на каждом шагу мне по глазам била:

– Офицерша я! А ты, хоть и красивая, да несчастливая! Доярка и жена тракториста!

Ладно, думаю. Опыт уже есть, квиты будем, офицерша занюханная.

Как-то летом приехали они в гости. С дитём. А у меня уже двое своих ребятшек было.

В первый же день Светка сына на руки, да побежала по деревне хвастаться. Моя ребятня за ними увязалась. Ну-у, а мы с зятем дома остались. Чего уж скромничать? Он рад, и мне отомстить надо родной сестре, проучить офицершу, чтобы впредь нос не задирала.

Да-а, тайком миловались мы с ним половину их отпуска. Потом Светка что-то заподозрила, скоренько так уехали, не догуляв. Правда, больше с мужем не приезжала: всё с сыном да

с сыном. И перестала кичиться офицерством, – старуха замолчала, сбросила с подола кошку, встала.

Снова закудахтала курица, слетев с гнезда. Ей тут же вторил петух.

– Я ж говорю: дурачье мужики. Чего ты радуешься? У-у-у, бестолочь! – бабушка замахнулась палкой на петуха. – Что в курятнике, что в жизни – одно и то же: что ни мужик, то дурень. Тьфу!

Лето.

Бранилась старуха, кудахтала курица.

На колени, Иван, на колени!

Рассказ

Разрешите представиться:

– Ваня!

Нет, не так.

– Иван!

Вот, сейчас правильно, и, главное, солидно: Иван! И-ван! Иван Андреевич Иванов.

А как иначе, если я заканчиваю первую четверть одиннадцатого класса. Ещё немножко упереться, и, здравствуй, взрослая жизнь! Впрочем, я и теперь взрослый. Даже паспорт тому подтверждение.

Если с фамилией всё понятно и ясно, то вот с именем и отчеством история отдельная. На всякий случай поведаю.

В папином роду с незапамятных времён прижилась одна традиция: в каждой семье в поколении Ивановых мальчикам надо давать имена Ивана или Андрея. Можно, конечно, и другие имена, если ребятшек много. Но уж у Ивана обязательно должен быть сын Андрей, а у Андрея – сын Иван.

Наша семья свято чтит традицию Ивановых: папа – Андрей Иванович, я, его сын – Иван Андреевич. Так было до, так будет и после. Традиция, однако.

А ещё, моя мама – Ирина Николаевна, филолог и директор школы, в которой и учится её неслух и оболтус, то есть я. И младшая сестрёнка Анечка тоже. Правда, она в пятом классе постигает прелести дочери начальника общеобразовательного заведения.

Вот уж кому не позавидуешь, так это детям учителей и директоров школ. На себе испытал, на собственной шкуре выстрадал.

А папа – фермер. Андрей Иванович Иванов – фермер в нашем районе, и, прошу заметить, не из последних по успехам в сельском хозяйстве и вообще в бизнесе. А то! Мы, Ивановы, такие!

Вынужденно сделаю отступление, чтобы пояснить немаловажные вехи в папиной биографии. И, соответственно, в моей тоже.

По преданию, как рассказывала бабушка, род Ивановых знаменит ещё и тем, что ведёт свою династию военных от потешных полков молодого царя Петра Первого. Так ли, нет, не знаю, но хочется верить. Ведь мои дедушка, прадедушка и прапрадедушка были офицерами Военно-Морского флота при царе, при Советской власти и в современной России. Факт достоверный. Подтверждают его фотографии солидных и серьёзных военно-морских офицеров в семейном альбоме. И целая коллекция офицерских кортиков – пять штук! досталась мне в наследство от папиного папы, а моего родного дедушки и полного тёзки капитана первого ранга Иванова Ивана Андреевича. А ещё есть затёртый временем и выцветший во многих местах Наградной лист бомбардира Ивана сына Андрея Иванова и медаль «За защиту Севастополя 1854 – 1855 гг.»

Вот и думай тут...

Так вот, о моём папе.

После распада Советского Союза, а за ним и Советской армии командир ракетного крейсера Черноморского флота капитан первого ранга Иванов Иван Андреевич не изъявил желания служить иной стране – Украине, и был переведён военным комиссаром к нам в районный центр. С понижением в должности. Но выбора не было. Так Ивановы оказались здесь, в одном из райцентров Алтайского края.

Чуть больше семнадцати лет назад на побывку к родителям с Северного флота, из Мурманска прибыл двадцатипятилетний бравый «каплей», то есть, капитан-лейтенант Иванов Андрей Иванович – командир боевой части на подводной лодке.

И надо было такому случиться, что в это же самое время получила назначение к нам в район, в нашу школу на должность учителя русского языка и литературы выпускница Барнаульского педагогического института красавица Ирина Николаевна Боброва.

– В форме! Золотые погоны! – захлёбываясь от восторга и восхищения, поведала мне по большому секрету мама. – Отпад!

И это говорит филолог?! Чему их учат в институтах?

После маминых откровений я обратился к папе за разъяснениями.

– Сынок, женщины правят миром, – загадочно ответил на мои приставания папа.

Как бы то ни было, но они поженились. Правда, ехать на Север мама категорически отказалась. Чем мотивировала свой отказ? Не знаю. А вот папа уволился из армии, переехал в район, занялся сельским хозяйством.

И это потомственный военный, кадровый и перспективный офицер-подводник?!

Может и правда, что женщины правят миром?

Выходит, я действительно ничего не понимаю в семейной жизни. Об этом мне с удивительным постоянством твердят мои родители. Пусть будет так. Меня пока всё устраивает.

Однако не очень устраивало моего дедушку.

Незадолго до смерти он взял с меня слово продолжить династию Ивановых.

Да я и сам с превеликим удовольствием!

– Кодекс офицерской чести предполагает, что обещание, данное даме или в её присутствии, обязательно для исполнения, – капитан первого ранга еле заметно кивнул в сторону бабушки, которая сидела рядом с непроницаемым лицом заговорщика.

– Это – как клятва, – прямо и откровенно подытожил нашу беседу дедушка и крепко пожал мою руку.

Вместе с ним мы выбрали моё будущее военно-морское училище в Питере. Не возражаю! И уже усиленно готовлю себя к воинской службе. Традиции династии Ивановых надо чтить!

Кстати, дедушка и бабушка меня понимали, как никто другой. Но, к величайшему горю, их уже нет.

Два года назад на похоронах дедушки, я слышал, как бабушка шептала у гроба:

– Не скучай там, я не задержусь здесь. Без тебя мне жизни нет.

Я, дурак, скептически отнёсся к этому. Мол, откуда она знает, когда будет умирать? Ведь читал, что не дано человеку предугадать свою кончину. Да и она такая бодренькая старушка, ни на что не жаловалась.

Однако ровно через три месяца после смерти дедушки мы похоронили и бабушку. Выходит, она знала?

Ладно, не буду больше о печальном.

Впрочем, придётся. Не моя в том вина.

Вначале лета, в июне, к нам в район стали прибывать беженцы с Донбасса из Украины. Почему и как такое могло случиться в наше продвинутое во всех отношениях время? Не знаю! Это не ко мне, хотя я пытаюсь разобраться и переживаю. Искренне переживаю.

К нам в класс пришла новая ученица Лена Бойченко. Небольшого росточка, веснушки-конопушки, голубоглазая. Ничего примечательного. Разве что лицо. Скорбное, усталое лицо. Я не видел, чтобы она улыбалась.

Слышал разговор моих родителей, что у Ленки маму убили. В мае месяце убили. Почти в центре города. Снаряд прилетел. С той стороны.

Папа – шахтёр. И ещё четверо детей. Ленка – старшая. Вот и приехали к нам, в район.

С глупыми расспросамихватило ума не приставать к новенькой.

Учится Лена так себе, между тройкой и четвёркой. Звёзд с неба не хватает. Тихая, уставшая. Мне иногда кажется, что она способна уснуть на уроке. И когда кто-либо пытается с ней заговорить о прошлом, посочувствовать, она замолкает, втягивает голову в плечи и старается уйти. Не только от разговора. Но вообще уйти, спрятаться где-нибудь. Мне её жаль.

А ещё в классе учится дочь главы администрации района Светка Ларина. Даже я понимаю, что она очень красивая. Одевается лучше всех девчонок. И не удивительно. Всё-таки надо знать, кто её родители. Статус обязывает. Красавица, одним словом. И учится очень хорошо. Практически лучше всех. Моя мама часто ставит её мне в пример:

– Родителям Светланы Лариной не стыдно за свою дочь, в отличие от твоих родителей, – обиженно и скорбно произносит она всякий раз, когда я получаю не очень хорошую оценку или когда моё поведение «выходит за рамки приличия». Опять-таки по выражению директора школы и по совместительству моей мамы.

Я, конечно, стараюсь соответствовать её чаяниям. Но, как-то так получается, что не всегда получается. Вот как замысловато, зато, правда. Уж как есть.

Вокруг Светки всегда вьются девчонки, в рот заглядывают. Мальчишки не обделяют вниманием. Кроме меня. Честно! Вижу и понимаю, что красавица и умница, а вот, поди ж ты... не впечатляет.

«Не лежит душа», – сказала бы моя бабушка. Она знала толк в таких делах, судя по всему. А тут Ленка, беженка...

Пацаны стали больше уделять внимания ей, а не Светке. И как-то так ненавязчиво, без приставаний, не поддевают по-дурацки, как иных девчонок, не отпускают в её сторону наивных и глупых шуточек, не обижают, а, напротив, вроде оберегают. Вот уж никогда бы не подумал, что наш брат может быть галантным и заботливым.

Это устраивало далеко не всех в противоположенном лагере, в девчачьем.

Обстановка в классе накалялась не по дням, а по часам. Что-то должно было произойти. Конец четверти стал временем «Ч», когда в полной мере и должен проявиться момент истины. Вот-вот мы разойдёмся на каникулы по своим домам, квартирам, разъедемся по бабушкам-дедушкам. Упущенное время может сгладить остроту момента.

Классический вариант! Таких историй куча и маленькая тележка. Открой интернет и наслаждайся неисчислимым количеством подобных примеров. Об иных, наиболее резонансных, трубили или трубят средства массовой информации. Даже заводили уголовные дела на некоторых фигурантов. Они на слуху. Но представить себе не мог, что сам стану участником и главным действующим лицом. Всегда казалось, что я «над» этим, выше. Да и мои одноклассники не такие, а мудрее тех, воспитаннее, человечнее, наконец.

«Блажен, кто верует», – сказал бы мой дедушка Иван Андреевич Иванов. Он умел предвидеть. Голова!

Вчера на последней перемене ко мне подошли наши парни, мои одноклассники.

– Ваня, идём после уроков в посадки за домом культуры. Светка новенькой «стрелку забила». Разборки будут.

– Чего так? – не сразу понял я.

– Жаба давит, – зло плюнул мой лучший друг и товарищ Толька Жданов.

– Бабы, одним словом, – циркнул сквозь зубы Федька Коновалов, потом, помолчав немножко, сделал философское заключение:

– Дуры деревенские.

– Помешать надо, если что, – добавил Сергей Назаров.

Да, стоит сказать, что в нашем классе только четверо парней. Все остальные девчонки. «Бабье царство», – иногда шутит Толька.

Мы немножко замешкались в школе, опоздали. Не рассчитали, что наши одноклассницы такие резвые.

Когда подошли, девочки стояли кругом. Внутри, растрёпанная, сверкала глазами Ленка.
– Стоять! – приказала нам Светка. – Не лезьте не в свои дела! И не вздумайте снимать на телефон или фотографировать, – предостерегла на всякий случай.

Выходит, понимала, что дело её не правое.

Мы приблизились вплотную и замерли.

Все были возбуждёнными. Видимо, до нас прошла всё-таки потасовка.

– Ну, вы чего тут? – первым не выдержал Федька. – С жиру бесимся или мозги от учёбы клинят?

– Заткнись! – одёрнула нашего товарища Надька Керн, лучшая подруга Светки, дочь председателя комитета по экономике района, и тут же переключилась на новенькую:

– Так ты поняла, чмошница? Здесь мы устанавливаем законы. Мы! А ты – никто и зовут тебя никак! Сопи тихонька и радуйся жизни, лахудра.

– Да что с ней говорить? Может она думает, что здесь пред ней на цыпочках будут ходить? – вставила свои «пять копеек» маленькая худенькая Зинка Озеранцева. – Ага, сейчас, вот только разуюсь, – она кочетом прыгала перед Ленкой, махала ручками.

– Отойди, – Светка отодвинула Зинку в сторону, встала перед новенькой, вперив руки в бока, сверлила соперницу уничижительным взглядом. – Говори!

– Я знала, я чувствовала, что разговор будет, – откинув растрёпанные волосы с лица, заговорила Ленка. – Что ж, я дура, что ли? Не понимаю, да?

– А кто ты? – перебила её Надька. – Дура и есть. Вон, учишься через пень-колоду.

– Не мешай, – одёрнула подругу Светка. – Пусть говорит, а мы послушаем. Может быть, прослезимся.

– Да я... да я... – Ленка вытерла под носом рукавом, захлюпала, – после школы с малышняй, накормить, постирать...

– На жалость не дави! Давай по существу! – прокурорским тоном потребовала Светка.

– Да пошла ты... – Ленка решительно оттолкнула в сторону Светку, сделала попытку выйти из круга.

И в этот момент Зинка с разбега прыгнула ей на спину, сбила с ног. На помощь Зинке кинулись ещё несколько девчонок. Образовав кучу малу, верещали, кричали, матерились по-мужски – страшно.

Мы с парнями принялись раскидывать девичьи тела. Но не тут-то было. На нас, словно по команде, набросились остальные девчонки, которые до этого не принимали активного участия, стояли в стороне, нервно подёргиваясь, «заводили» себя, готовились к драке. И этот миг настал!

Их – шестнадцать, нас – четверо. Удары сыпались со всех сторон, крики и визги стояли невообразимые. А уж материки из девчоночьих уст... да любой боцман парусного корабля отдыхает и нервно курит в сторонке.

Мне удалось выхватить из общей кучи девичьих тел Ленку, обхватить из-за спины, почти на руках вынести к ближайшему тополю.

– Предатель! – от сильного толчка Светки мы с Ленкой упали под дерево.

В мои волосы хищно уцепилась наша отличница, рвала их, царапала лицо, шею. Ничего не оставалось, как обороняться.

Сергей подхватил упавшую Ленку, уносил с поля брани. Внеплановый отход пары прикрывали Толька и Федька, не подпуская атакующую сторону на расстояние вытянутых рук.

А Светка продолжала зверствовать, видимо, решила сорвать злость и ярость на мне.

– Да отойди ты! – моему терпению пришёл конец. – Отстань, дура!

Встав на колени, я с силой оттолкнул от себя Светку. Мелко засеменяя и размахивая руками, она стала пятиться назад, а потом и грохнулась спиной в кустарник.

Сам момент падения я не видел. Это уже со слов Толика.

Интуитивно перед падением Светка повернула голову, стараясь увидеть, куда она падает. И надо же было такому случиться, что в месте предполагаемого приземления торчал достаточно толстый заострённый обломок ветки. Именно на него и шмякнулась всем весом наша классная отличница и красавица, проткнув левую щеку.

Всё! Драка закончилась.

Сергей помог подняться Светке, вытащил оставшиеся занозы с лица, кое-как очистив рану.

Какое-то время девчонка стояла, не до конца осознав личную трагедию. Потом до неё стало доходить. А тут и Надька поспешила на помощь, услужливо и с нескрываемым чувством злорадства протянула подружке зеркальце.

– А-а-а-а! – истошный девчоночий крик ещё долго стоял над окрестностями районного центра, больно бил по ушам, по нервам, будил чувства стыда, вины, и ещё чего-то.

Светку увели в больницу, остальные разбрелись по домам, договорившись молчать, как партизаны на допросе.

Я вызвался проводить Ленку. Она не возражала.

За всю дорогу мы почему-то не проронили ни слова. И лишь у бывшего общежития, которое выделили для жилья беженцам, я что-то промямлил. Что ответила Ленка – не расслышал.

Мама пришла домой чуть позже меня.

Такой разъярённой мамы я ещё не видел.

– Ты зачем толкнул Светлану? – звенящим шёпотом спросила с порога.

Побелевшее лицо, расширенные и подрагивающие от негодования крылья носа, трясущиеся руки.

– Да я... она... – я пытался что-то произнести в своё оправдание, но мои слова наткнулись на стену полнейшего непонимания.

Мне просто не давали слова. Вопросы задавались, но ответов мама слышать не хотела по определению. Это был в своём роде истерический монолог директора школы.

Вот его краткий синопсис:

– Идиот!

– Изверг!

– Бездушное тупое чучело!

– Ты испортил мне карьеру!

Оказывается, мою маму вызывали в районную администрацию и предложили должность заведующей районо. На днях было предварительное собеседование с главой администрации Валентиной Васильевной – Светкиной мамой.

– Валентина Васильевна уже звонила мне только что. Требует объяснений. Что скажешь, сынок?

Я лишь пожимал плечами.

Иногда мама вспоминала о жертве:

– Ты представляешь, как сейчас Светлане жить? Ведь она – девушка, и для неё лицо – это почти всё! А ты... а ты... ты ей испортил жизнь! Кому она нужна будет уродиной с обезображенным лицом?

– Вы мне предлагаете жениться на Светлане Лариной, Ирина Николаевна? – у меня хватило смелости огрызнуться вполне безобидно. – С царской семьёй породниться желаете? В придворные метите?

– Не ёрничай, не ёрничай, изверг! – мама толкнула меня на диван и приступила исступленно молотить кулачками по спине.

– Вот тебе! Вот тебе!

Мне ничего не оставалось, как прикрыть руками ранее травмированную усилиями Светки голову, и терпеливо ждать конца. Или своего, или маминой истерики.

Право думать у меня пока ещё никто не отнял, вот я и думал, соображал, лёжа под материнскими тумаками.

«Как выйти из этой ситуации? С кем посоветоваться? Мама не в счёт. Папа на уборочной в полях. Приедет только дня через три. Анютка не советчик. Мне бы бабушкой, с дедушкой поговорить. Они бы точно помогли».

Очнулся от всхлипов; мама сидела за столом, плакала, уронив голову на руки. Сел рядом, коснулся материнского плеча.

– Прости меня, мама, – другие слова на ум не приходили.

– Завтра на школьной линейке ты публично извинишься перед Светланой Лариной! – безапелляционно заявила директор школы. – Будет лично Валентина Васильевна!

– Хорошо, Ирина Николаевна, – в тон ей ответил я.

Мама как-то по-новому посмотрела на меня и лишь хмыкнула. Значит, истерика прошла, разум восторжествовал. Будем ждать завтрашний день, а там... как масть ляжет.

Понял, что взрослые не знают деталей, причины сегодняшнего события им не ведомы. Впрочем, никто не пытался докопаться до истины. Просто назначили крайнего. Им оказался я – Иван Андреевич Иванов, сын директора школы. Наверное, так легче всем.

Оправдываться? Выводить всех на чистую воду? Ну, уж нет! Девчонок подставлять? Разве это в традициях Ивановых? Договорились ведь молчать, как партизаны на допросе. А слово держать надо.

Приняв решение, я с почти чистой совестью пришёл сегодня на уроки. В школе все всё знали. Ни слова о вчерашнем. Как будто ничего не произошло.

Светка явилась в окружении свиты с огромным пластырем на всю щёку. Меня обошли как пустое место. Только Ленка иногда кинет в мою сторону взгляд и отвернётся тут же.

Ребята подходят, здороваются как обычно за руку, похлопывают по плечу.

А вот и школьная линейка.

Стою со своим классом в первой шеренге. Я никогда не прятался за спины товарищей. С детского садика не прятался. И сейчас не намерен изменять себе.

Пересказывать речь директора школы не буду: скучно. Жду, когда вызовут на «ковёр».

– Иванов! Выйти на середину! – вот и команда отдана завучем.

Вышел, встал, где указали, повернулся лицом к товарищам. Никак не могу найти места рукам: то сцеплю в замок на животе, то спрячу за спину. Волнуюсь маленько. Ну, что ж, я – живой человек. Потерпим.

Смотрю на одноклассников: девчонки отводят взгляд. Хорошо, значит, чувствуют свою вину. Толик Жданов в знак солидарности сжимает кулак, машет. Этот на моей стороне. Впрочем, все парни тоже. Улыбаются, подбадривают.

Что-то говорит директор школы.

– Иванов! Сейчас же извинись перед Лариной!

Я посмотрел на маму. Впервые физически прочувствовал расхожее выражение «лица нет». Да, так оно и есть: столько чувств, столько переживаний не делают лицо мамы счастливым. Как я её понимаю!

– Извини, Ларина, – отыскал в толпе Светку, чуть кивнул в её сторону.

Сначала класс, а потом и вся школа разразились аплодисментами. Этого только не хватало!

Додумать не успел.

– И это всё-о-о-о? – протяжно простонала глава администрации района Валентина Васильевна. – Ирина Николаевна! На колени! Немедленно на колени этого... этого... – она немножко замялась, – этого бандита! Только тогда мы сможем простить его. В противном случае я сейчас же иду в прокуратуру, и буду требовать возбуждения уголовного дела. Это

не школа, а прямо не знаю... Я это так не оставлю! Так что, на колени, Иван! На колени! – прокричала Светкина мама.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.